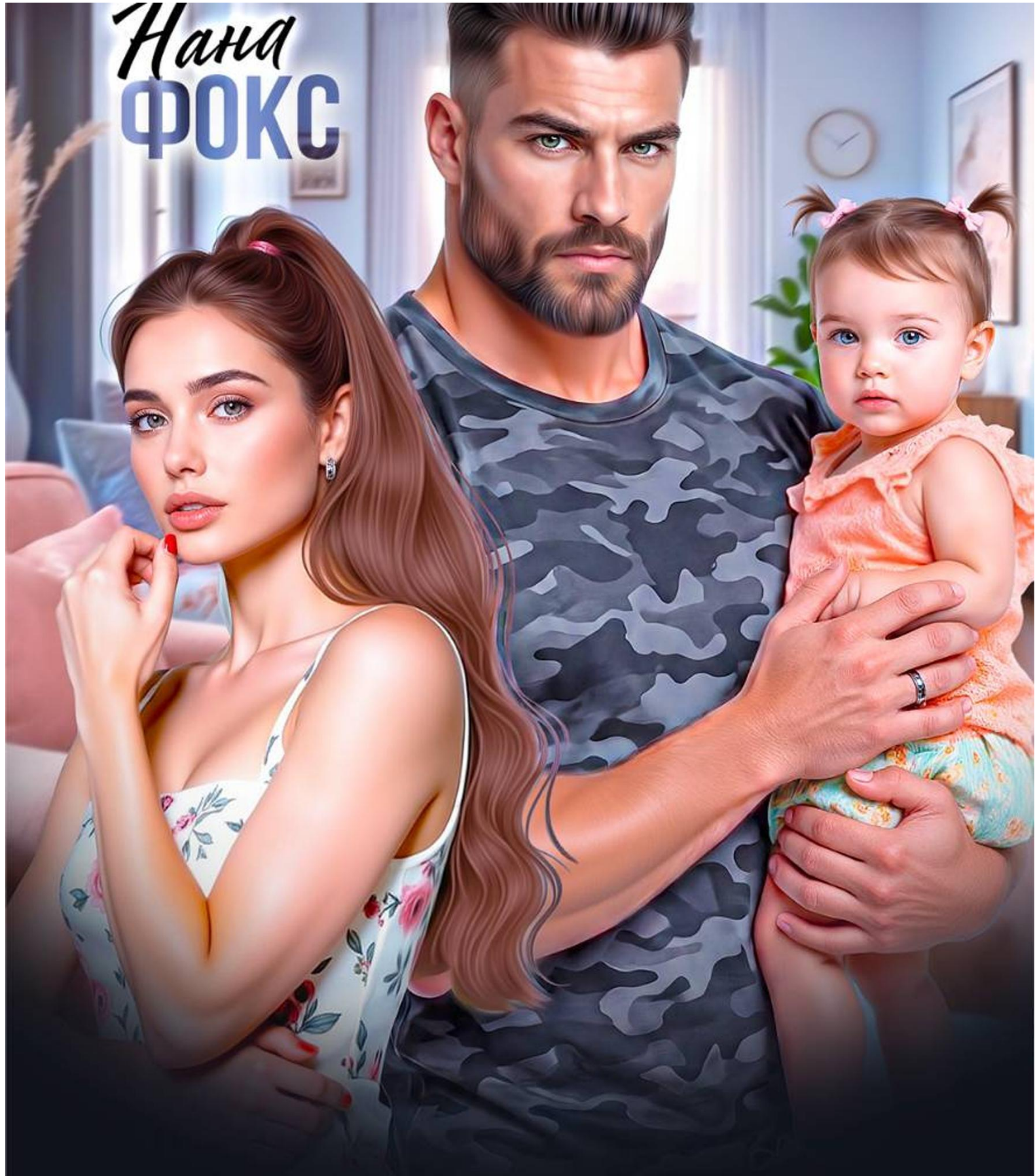

Нана
ФОКС

ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ
Дорого для Альфредуца

Нана Фокс

**Вернуть любовь.
Дочь для Альфовца**

«Автор»

2026

Фокс Н.

Вернуть любовь. Дочь для Альфовца / Н. Фокс — «Автор», 2026

Он выгнал её из госпиталя, чтобы не видеть жалости в глазах. Она ушла, а через время родила его дочь и поклялась забыть его. Три года спустя они встретились за одним столом. Он – бывший спецназовец, ныне хмурый аналитик. Она – девушка с малышкой на руках, у которой его глаза. – Лиза – моя дочь? – А ты сам как думаешь? Один вечер. Один взгляд. Одно «прости». Смогут ли они начаться всё заново?

© Фокс Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Нана Фокс

Вернуть любовь. Дочь для Альфовца

ПРОЛОГ

– Приходи, – звучит из телефонной трубки приглашение на вечерние посиделки от моего зятя Игната Грозного, по совместительству ещё и моего начальника. – Алина плов затеяла. А я мангал уже растопил, и мясо замариновал.

– Кто будет? – спрашиваю я, хотя ответ мне, в общем-то, безразличен.

Свои, всегда только свои, и я с недавних пор в этой компании тоже свой, пусть и не так, как мечтал. А мечтал я стать спецом команды «Альфа», как все они, но... хромаю потихоньку, да занимаюсь бумажной работой под началом Игната из-за оплошности одного неумехи на учебном полигоне. Теперь у меня в спине осколок, перечеркнувший прежний жизненный путь.

– Каравай, Добрыня, Сокол, все с жёнами и детьми. – Игнат перечисляет привычные позывные своих сослуживцев, и я киваю сам себе, хотя он этого не видит. – И Алина девочку свою новую пригласила. Из салона. Ты её не знаешь.

– Ладно, – киваю с ухмылкой на завуалированное предупреждение от зятя (Алинка мечтает меня пристроить в добрые руки, точно брошенного котёнка. А я не желаю быть кому-то обузой, хоть и не инвалид. Так что все её попытки – тщетны). – Буду через час.

Собираюсь неспешно, потому что спешить мне, в общем-то, некуда. Дом родственников на соседней улице тихого коттеджного посёлка Генералово. Здесь же неподалёку живёт и наш двоюродный дед – генерал Суровый.

По дороге заглядываю в магазин. Продуктовый набор стандартный: женщинам и детям – что-то сладкое, нам с мужиками – по пенному. Неспешно дохожу до усадьбы Грозновых, толкаю незапертую калитку, захожу во двор – большой, ухоженный. Игнат сам возится с газоном, сам красит лавочки, сам колет дрова для камина. В этом есть что-то правильное, почти первобытное, когда мужчина заботится о своей земле, о своём доме, о своей семье.

– Аскар! – орёт с веранды Каравай, размахивая руками, будто мы не виделись сто лет, а не неделю.

– Здравово, – приветствую его, подходя ближе, и пожимаю широкую ладонь.

Добрыня кивает мне из-за стола, не поднимаясь. Он вообще не мастак на бурные приветствия – хмурый, молчаливый, но надёжный, как броня. Сокола не видно – наверное, помогает Игнату.

– Игнат в саду, – говорит Каравай, кивая в сторону мангала. – Шашлык доводит до ума. А мы пока, вот, – обводит он рукой частично накрытый стол.

Поднимаюсь по ступенькам на террасу, и в эту минуту из распахнутых дверей коттеджа, точно удачно запущенная торпеда, вылетает Наинка – моя старшенькая племянница (уже почти школьница).

– Дядя Аскар! – визжит она восторженно и несётся ко мне, раскинув руки, словно самолёт, заходящий на посадку.

Подхватываю её на лету, кружу, и она хохочет так заразительно, что даже Добрыня улыбается краем губ.

– Ты чего такой серьёзный? – спрашивает малая, прижимаясь ко мне и рассматривая моё лицо в упор. – Опять один дома сидел?

Пожимаю плечами: малышка наша не знает покоя и всё вокруг заражает энтузиазмом.

– А мама сегодня тебя со Стешей знакомить будет, – тихо шепчет мне на ушко, заставляя улыбаться. – Она красивая! Вот увидишь.

– Красивая, говоришь? – хмыкаю я, припоминая предупреждение Игната. – Ну что ж, посмотрим. – Соглашаюсь поправляя растрёпанные детские хвостики.

– Ой, – вздыхает она с интонацией взрослой женщины, которой надоела мужская безалаберность, – вы все такие, дядь Аскар. Ничего не замечаете.

Спускается с моих рук и убегает в сад, что-то крича на ходу про ёжика, которого надо спасать.

– Привет, братик, – на террасе появляется и Алинка, неся корзинку с нарезанным хлебом. – Уже сдала, – кивает в сторону убежавшей дочки и, приподнявшись на носочки, целует меня в щёку – по-родственному, тепло, как умеет только она. – Располагайся. Ещё минут пятнадцать, и будет всё готово.

Усаживаюсь за стол, как всегда, так, чтобы никому на глаза не попадаться. Рассматриваю привычные лица, привычные жесты, привычные разговоры. Каравай рассказывает, как его младшая вчера разрисовала стену в гостиной фломастерами, а жена заставила его оттирать эти художества зубной щёткой. Добрыня вставляет редкие реплики. Я слушаю их болтовню, и мне хорошо и спокойно, точно я в блиндаже.

– Ты чего такой? – Каравай толкает меня в плечо. – Мыслями не здесь?

– Здесь, – отмахиваюсь я. – Просто... задумался.

– О, зятьёк мой пришёл! – присоединяется к нашей компании Игнат (он же Туман – позывной у него такой был в годы службы в «Альфе»).

– Здорово, – встаю, протягиваю руку, пожимая крепкую ладонь «родственника».

Мужики суетливо раздвигают тарелки с салатами, нарезками, свежей зеленью. Игнат водружает на освободившееся место большой казан с пловом, а следом Сокол ставит большой поднос с подрумяненным на углях мясом. Ароматы плывут такие, что даже у сытого слюнки потекут и живот заурчит от голода.

– Ну давайте за встречу, – кто-то провозглашает тост, и мы сдвигаем тяжёлые бокалы с пенным напитком.

– А они уже без нас начали! – с наигранным возмущением звучат женские голоса выпавших из дома жён.

– Да мы это... – начинает театрально испуганно оправдываться Каравай.

– Ага-ага, – улыбаясь и обнимая его, целует жена.

Следом и остальные мужики притягивают к себе свои половинки. Только я в этом море счастья один, да ещё вышедшая последней на террасу... Стефания!

Мне кажется, это просто галлюцинация. Делаю жадный глоток, желая промочить пересохшее горло. Поднимаю взгляд, но мираж не испарился. Смущённо переступая с ноги на ногу, в паре шагов от меня стоит та, которую три года назад я «прогнал» из своей жизни, но из сердца прогнать не смог.

Стефания смотрит на меня немного растерянно, чуточку напуганно, а на её руках малышка – точная копия мамы, только глазища большие, карие, как у меня.

ГЛАВА 1

СТЕФАНИЯ

Около трёх лет назад...

На коттеджный посёлок Генералово медленно и будто даже неохотно опускается тёплый майский вечер. Солнце клонится к горизонту, окрашивая небо в густые краски заката, и золотистый свет разливается по ухоженным газонам, струится по крышам элитных особняков, плавится на стёклах панорамных окон.

Я стою у сервировочного стола в дальней беседке и поправляю салфетки – в третий раз за последние полчаса: мне просто надо чем-то занять руки, скрыть волнение, сделать вид, что я здесь не случайная девчонка, подрабатывающая на праздниках, а почти профессиональный организатор торжеств, хоть и всего помощница.

Сегодня торжество у Геннадия Павловича Сурового – генерал-полковника действующего военного, человека-легенды, чьё имя в определённых кругах произносят с придыханием, и я должна следить за тем, чтобы в праздничной беседке всегда были чистые тарелки и холодные напитки.

Три часа работы позади, впереди – ещё три. Ноги гудят, спина ноет, а внутри, где-то под рёбрами, гнездится тревога, которую я не могу объяснить. Кажется, что сегодня что-то произойдёт. Что-то, что перевернёт мою размеренную жизнь, скинув её с чётких рельс саморазвития.

Впрочем, я всегда склонна к излишней драматизации.

Поправляю выбившуюся прядь из пучка, одёргиваю форменную блузку и выхожу из беседки, чтобы проверить, не нужна ли помощь на фуршете.

– Извините, – раздаётся сбоку мужской голос – низкий, чуть хриловатый, заставляющий меня вздрогнуть.

Оборачиваюсь.

Передо мной стоит парень – молодой, но взгляд не по годам серьёзный. Крепкий, подтянутый, плечистый – будто под пиджаком скрывается бронежилет, а не обычное тело. Тёмные волосы коротко стрижены, на виске – тонкий белый шрам, похожий на след от молнии. Глаза – карие, глубокие, с золотыми искрами, как янтарь на солнце.

Смотрит на меня в упор, не моргая, словно сканирует, считывает, запоминает каждую черточку моего лица.

– Вы не подскажете, – пауза на долю секунды, но мне кажется, он специально тянет, разглядывая меня, – где здесь уборная?

Уборная.

Самый оригинальный способ познакомиться, который я когда-либо встречала.

Не без труда давлю улыбку, сохраняя профессиональное спокойствие.

– За домом, налево от крыльца – тропинка к гостевому домику, там санузел.

Кивает, но не уходит. Стоит, рассматривает меня, и я чувствую, как под этим взглядом мои щёки начинают розоветь, а сердце пускается в пляс, совершенно не слушаясь приказов держать себя в руках.

– Спасибо, – произносит наконец и делает шаг назад. – Аскар, – вдруг представляется, протягивая руку для рукопожатия, будто мы на светском приёме по одну сторону.

– Стефания, – отвечаю машинально, вкладывая свою ладонь в его широкую, горячую, и меня будто током бьёт – искра, мурашки, всё, о чём пишут в глупых женских романах, которые я стыдливо читаю по ночам.

– Стефания, – повторяет он, пробуя имя на вкус, и мне кажется, что в его устах оно звучит иначе – мягче, теплее, почти интимно. – Хорошее имя. Редкое.

Он всё ещё держит мою руку. На секунду дольше, чем позволяют приличия, а может, даже на две. Отпускает будто нехотя, разворачивается и уходит.

Я смотрю ему вслед и понимаю, что пропала.

Вечер идёт своим чередом. Я меняю тарелки, разливаю воду, поправляю скатерти, но мысли мои далеки от рабочих моментов. Они бродят где-то там, где мелькают между гостями тёмная макушка и широкие плечи.

Я не знаю о нём ничего. Кто он, чем занимается, почему он здесь, на юбилее у генерала. Но что-то в нём есть – какая-то правильность, надёжность, ощущение, что за ним как за каменной стеной. Здесь много таких «кавалеров». Девочки шептались, что это всё бывшие подчинённые генерала, его команда «Альфа».

– Девочка, – окликает меня генерал Суровый, проходя мимо с бокалом в руке, – принесите-ка в беседку ещё минералки. И скажите повару, чтобы мясо не пережарили.

– Хорошо, – киваю я, почти готовая отдать ему честь.

Генерал усмехается, хлопает меня по плечу тяжёлой, натруженной ладонью.

– Расслабься, дочка. Сегодня все свои.

Звучит так добродушно, что даже я – всего лишь наёмный персонал – ощущаю себя долгожданным гостем.

Бегу выполнять поручение и на полпути к дому сталкиваюсь с Аскарком. Он выходит из-за угла, и мы почти врезаемся друг в друга – наши дыхания смешиваются, моя рука упирается ему в грудь, и я чувствую, как под ладонью бьётся его сердце – ровно, спокойно, уверенно.

– Осторожнее, – говорит он, и его ладонь ложится на мой локоть, поддерживая. – Не ушиблась?

– Нет, – выдыхаю, поднимая голову и утопая в его глазах – тёплых, как карамель, внимательных, как у хирурга перед операцией.

– Ты сегодня весь вечер на ногах, – отмечает он с ноткой беспокойства в голосе. – Отдохнула бы.

– Работа, – пожимаю плечами, высвобождаясь из его захвата. – Не могу.

– А когда сможешь?

Вопрос повисает в воздухе. Я смотрю на него, пытаюсь понять – шутит или серьёзен?

В его глазах нет ни тени насмешки. В них только ожидание и надежда, которую он, кажется, не привык показывать.

– После праздника, – тихо отвечаю я и сама пугаюсь своей смелости. – Если успею всё убрать.

– Успеешь, – кивает он уверенно, будто речь идёт о чём-то более важном, чем чёртова уборка. – Я помогу.

Уходит, а я остаюсь стоять, прижимая к груди пустые бокалы, и чувствую, как внутри расцветает что-то огромное, прекрасное, невероятно глупое – надежда на то, что сегодняшний вечер – не просто работа, а начало чего-то нового.

Начало, о котором я даже не мечтала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.